

18+

ИНГЕРСОЛЛ ЛОКВУД

ОДИННАДЦАТЬ ВОЗМОЖНЫХ СЛУЧАЕВ

АНТОЛОГИЯ

Ингерсолл Локвуд

**Одиннадцать возможных
случаев. Антология**

«Издательские решения»

Локвуд И.

Одиннадцать возможных случаев. Антология / И. Локвуд —
«Издательские решения»,

Нью-Йорк, 1891 год: одиннадцать авторов — от Фрэнка Стоктона до основательницы детектива Анны Кэтрин Грин — пишут об одном: происшествии, которое могло бы случиться на самом деле, хотя случается нечасто. Дуэль в готическом Новом Орлеане, проклятое наследство, спиритический сеанс, взломщик в своей ловушке, апокалипсис в телеграфных сводках. Мелодрама, готика, юмор, детектив — под одной обложкой.

© Локвуд И.

© Издательские решения

Содержание

ОДИННАДЦАТЬ ВОЗМОЖНЫХ СЛУЧАЕВ	6
СОДЕРЖАНИЕ	7
1. Единственная девушка в Оверлуке	8
2. То, что блестело	9
5. Таинственная дружина	10
Морис Томпсон	11
6. Странные похождения миллиона долларов	12
8. Трагедия сильнодействующих взрывчатых веществ	13
ОТ ПЕРЕВОДЧИКА	14
Франклин Файлз	16
ГЛАВА I	17
ГЛАВА II	23
ГЛАВА III	27
ТО, ЧТО БЛЕТЕЛО	32
Фрэнк Р. Стоктон	33
ЛЕВ И ЛЬВИЦА	37
Джоаким Миллер	38
ГЛАВА I	39
ГЛАВА II	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Одиннадцать возможных случаев Антология

Ингерсолл Локвуд

Переводчик Наталия Голд

Редактор Андрей Макаров

© Ингерсолл Локвуд, 2026

© Наталия Голд, перевод, 2026

ISBN 978-5-0071-2541-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ОДИННАДЦАТЬ ВОЗМОЖНЫХ СЛУЧАЕВ

Сборник рассказов

Франклин Файлз · Фрэнк Р. Стоктон · Джоакин Миллер · Q. ·
Морис Томпсон · Ингерсолл Локвуд · Эдгар Фосетт ·
Брейнард Гарднер Смит · Кирк Манро ·
Ним Кринкл · Анна Кэтрин Грин

Перевод с английского

Публикуется по изданию 1891 года (Нью-Йорк)

СОДЕРЖАНИЕ

1. Единственная девушка в Оверлуке

Франклин Файлз

2. То, что блестело

Фрэнк Р. Стоктон

3. Лев и львица

Джоакин Миллер

4. Обманутая Джульетта

Q.

5. Таинственная дружина

Морис Томпсон

6. Странные похождения миллиона долларов

Ингерсолл Локвуд

7. Пропавший день

Эдгар Фосетт

8. Трагедия сильнодействующих взрывчатых веществ

Брейнард Гарднер Смит

9. Благодарность лесного разбойника

Кирк Манро

10. Конец всего

Ним Кринкл

11. Следует ли ему на ней жениться?

Анна Кэтрин Грин

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Эта книга — перевод американского сборника «Eleven Possible Cases» («Одиннадцать возможных случаев»), выпущенного в Нью-Йорке в 1891 году. Идея сборника по тем временам была не то чтобы новой, но исполнена с размахом: собрать под одной обложкой одиннадцать никак не связанных между собой рассказов одиннадцати разных авторов, объединённых только общим условием — в основе каждого лежит происшествие, которое современники называли «возможным случаем»: не фантастика, не сказка, а нечто, что могло бы произойти на самом деле, хотя и происходит нечасто.

Отсюда и разноречивой тональностью, который сразу бросается в глаза. Здесь есть чистая мелодрама («Единственная девушка в Оверлуке»), анекдот с моряцкой байкой и подвохом в хвосте («То, что блестело»), готическая новоорлеанская история с дуэлью и привкусом потустороннего («Таинственная дружина»), клубная комедия нравов («Пропавший день»), исповедь взломщика («Обманутая Джульетта»), апокалиптический триллер о конце света («Конец всего») и детективная головоломка без разгадки, где решать приходится самому читателю («Следует ли ему на ней жениться?»). Составители сборника, судя по всему, не столько выстраивали книгу вокруг темы, сколько демонстрировали читателю широту жанрового ассортимента, какой предлагала американская беллетристика на исходе века, — от салонной прозы до бульварного ужаса.

Авторский состав тоже неоднороден. Рядом с именами, что и сегодня кое-что говорят читателю, — Ингерсолл Локвуд, Фрэнк Р. Стоктон, Джоакин Миллер, Анна Кэтрин Грин, одна из основательниц детективного жанра в англоязычной литературе, — соседствуют авторы, чья слава не пережила своего века: журналисты и очеркисты вроде Нима Кринкла (псевдоним нью-йоркского критика Эндрю Карпентера Уилока) или писавшего под одной лишь буквой «Q.» (вероятнее всего, ранний псевдоним Артура Куиллер-Куча, хотя сборник и не даёт этому подтверждения). Для читателя XIX века это было в порядке вещей: журнальная беллетристика печаталась анонимно или под инициалами ничуть не реже, чем под полным именем.

При переводе я старалась придерживаться простого правила: передавать не только сюжет, но и голос — там, где автор нарочито литературен и высокопарен (как Джоакин Миллер в «Льве и львице»), русский текст тоже должен звучать приподнято; там, где автор нарочно сух и ироничен (как Локвуд в «Станных похождениях миллиона долларов»), лишняя красивость была бы предательством оригинала. Диалектную и ломаную речь персонажей — итальянский выговор Равелли, южный говор Кейса Хафнера, креольский french accent Жюля — я передавала не транскрипцией, а русскими средствами того же порядка: нарушенным согласованием, характерными оборотами, — расчёт на то, что современный читатель считает акцент по манере речи, а не по фонетической записи.

Кое-где текст слегка адаптирован для сегодняшнего восприятия — там, где буквальный перевод синтаксиса или устаревшей идиомы звучал бы просто как перевод, а не как русская проза. Исторические реалии, географию, имена и культурный контекст эпохи я не осовременивала: пусть действие «Станных пождений миллиона долларов» твёрдо стоит в Нью-Йорке 1850-х, а «Конец всего» пугает читателя приметам именно 1892 года — телеграфом, специальными поездами и вечерними газетами, а не смартфонами.

Сборник интересен сегодня не только сюжетами, которые местами наивны, но всё ещё держат в напряжении. Это ещё и слепок вкуса эпохи: сборник заведомо задумывался как чтение для гостиной, для журнального столика после обеда, — и по нему видно, чем именно хотел щекотать себе нервы образованный американец на исходе девятнадцатого века. Читайте на здоровье.

Н. Г.

ЕДИНСТВЕННАЯ ДЕВУШКА В ОВЕРЛУКЕ

Франклин Файлз

ГЛАВА I

У единственной девушки в Оверлуке было два имени. В лицо к ней обращались не иначе как «мисс Уорринер». За глаза — чаще «Мэри Крошка». Причина этого раздвоения открывалась с первого взгляда на саму мисс Мэри Уорринер: она сидела на высоком табурете за грубо сколоченной конторкой, под навесом из неструганных досок, и быстрыми пальцами выстукивала ключ телеграфного аппарата. В её манере держаться было безупречное, тихое спокойствие, которое у человека постарше и покрупнее сошло бы за внушительное достоинство, а здесь, при восемнадцати годах и неполных ста фунтах веса, всё равно требовало к себе уважения. Поэтому мужчины в её присутствии не решались называть её иначе как «мисс Уорринер». Будь она чуть менее похожа на величавую барышню в миниатюре и чуть больше на ребёнка, каким была ростом; занимайся она делом не столь близким к точной науке, как телеграфия, и не столь далёким от детских забав; вейся её каштановые волосы свободно, а не собирайся тугим узлом; доходи её юбки до щиколоток, а не почти до земли — тогда прозвище «Мэри Крошка» могли бы произносить и при ней, а не только за спиной, как это делали те, кто метко подметил её маленький рост. Среди обитателей Оверлука, приглядывавшихся к её сдержанности, наверняка встречались разные мнения на этот счёт, но тот, кто решил бы, что эта манера — всего лишь напускная броня девушки среди двух сотен мужчин, ещё не пробовал добиться от неё чего-то большего, чем простая учтивость.

Оверлук был лагерем временным и грубо сколоченным. Здесь готовили полотно для новой железной дороги — работа выходила необычная, требовавшая на редкость много ума при сравнительно скромной доле грубой силы. Именно те, кто трудился головой над этим замечательным инженерным замыслом, — или хотя бы распоряжался чужими руками, — приходили с поручениями к телеграфному навесу, и для них Мэри принимала и отправляла депеши. Затерянная колония рабочих лежала в ста милях глуши, среди гор и леса, но от главной конторы строительной компании в большом городе её отделяли не мили, а считанные секунды — ровно столько, сколько нужно электрическому току, чтобы пробежать провод.

— Вам непременно нужно дождаться ответа? — спросила Мэри, отстучав последнее слово депеши. — Прошёл уже час с тех пор, как ушла ваша первая телеграмма, а они, похоже, вовсе не торопятся.

В её ясном, мягком голосе не было ничего, кроме вежливого безразличия. Синие глаза, широко раскрытые, поднявшиеся от бумаги на собеседника, не выражали ни смелости, ни робости. На губах, произнёсших этот вопрос, не читалось ни улыбки, ни недовольства. Ей было решительно всё равно, уйдёт он или останется, хотя сам вопрос как бы намекал, что уйти было бы кстати.

— Я бы лучше побездельничал здесь, если вы не против, — ответил Джеральд Хит.

Тут спокойная девушка выдала свою настороженность коротким, быстрым взглядом — таким незаметным, что предмет её наблюдения так и не узнал, что его разглядывают. Впрочем, она тут же убедилась, что не она была причиной, по которой он остался, — он сказал: — Я объясню, почему меня так волнует эта телеграмма и почему я тороплю с ответом.

Дожидаясь его, Джеральд Хит от нечего делать лениво привалился к самодельной конторке телеграфистки и от скуки строгал гладкую берёзовую жердь, из которой была сколочена её кромка. Он щепал и подрезал дерево — так, как это делают все, для кого острый складной нож и кусок дерева служат утешением. Разговора почти не было — лишь несколько слов о депешах. Но тут он выпрямился во весь свой шестифутовый рост, и стала видна вся стать его крупного, ладного тела. Прежде девушка по другую сторону конторки не успела разглядеть, каков он на самом деле. Она отметила про себя и то, что стоило бы ему привести себя в порядок — сбрить неопрятную щетину, сменить поношенный вельвет на приличное платье, обувь

начищенные сапоги вместо пыльных обносков да надеть цилиндр, — и он вышел бы вполне видным молодым человеком, чьим невниманием впору было бы обидеться. К такому выводу она пришла, ничем не выдав, что её равнодушный на вид взгляд успел составить об этом какое-то мнение. А пока он выглядел на редкость рослым и крепким образчиком тех мужчин, которых оторванность от городской жизни делает похожими на дикарей. Не успел он вымолвить и слова, как она поняла: все его мысли поглощены телеграммами и вовсе не заняты тем, кто его слушает. Она была для него не просто не причиной задержки — с тем же успехом на её месте могла бы оказаться старуха, дурнушка или мужчина, лишь бы у них были уши.

Стоял летний день, ясный и тёплый, как и полагалось этой поре. Полог, прежде укрывавший навес, сняли, и он стоял теперь открытый со всех сторон, а спереди свисали ветви двух деревьев, к чьим мощным стволам он был прислонён. Джеральд Хит поднял обе руки и отвёл листву в сторону.

— Отсюда всё видно, без помех? — спросил он. — Знаете, мне доводилось прокладывать дороги в таких местах, где и мили в день для поезда было бы уже стыдно. Я проектировал маршруты, для которых стоило бы пускать особые поезда — для пассажиров, у которых есть глаза: поезда со скоростью где-то между шестьюдесятью милями в час и шестьюдесятью часами на милю. Просто безобразие — гнать людей мимо Оверлука, не давая им как следует разглядеть то, что мы сейчас видим. Вот почему я месяц назад написал президенту компании: небольшое отклонение от намеченной линии позволило бы пассажирам увидеть именно этот вид. Он спросил, насколько удлинится путь по моему плану. «На сто ярдов», — ответил я. И приложил карту: пути, выйдя из туннеля, могли бы сделать небольшой крюк как раз к этому месту, вместо того чтобы огибать груды скал, которая полностью закроет вот это... — и широкий взмах руки довершил его жест в сторону пейзажа.

Названия, придуманные наспех, часто оказываются самыми точными. Лагеря дорожных строителей в нетронutom прежде краю редко называют случайно. Городу, что вырастет позже на том же месте, могут дать имя вовсе без смысла — просто чтобы прижилось, — но временные названия почти всегда рождаются из чистого наблюдения. Так вышло и с Оверлуком. Дорога проходила туннелем сквозь гору и выныривала на высоте тысячи футов над широкой долиной. Мэри изо дня в день, с утра до вечера, сидела лицом к этому виду. Поначалу он поражал её и восхищал, но привычка притупила остроту впечатления. А теперь, стоило показать его заново, он открылся ей как в первый раз. Джеральд Хит стоял, отводя ветви, заслонявшие часть пейзажа, — точно распорядитель выставки, представляющий какое-то на редкость огромное и прекрасное полотно. Вдали громоздились холмы, один за другим, оставляя лишь узкую полоску неба под самым краем навеса — так, как её видела телеграфистка со своего места. Разрозненные черты дикого края, издавна суровые и нечёткие в подробностях, ближе к переднему плану обретали ясность, обрамляя бурную, изломанную реку с такой стройностью, точно эти линии кто-то нарочно расположил. Оверлук стоял так высоко на отвесной горе, что ближний план, лежавший почти прямо под ногами, выпадал из поля зрения Мэри, и зритель оказывался прямо на площадке перед огромным полотном, слишком просторным для обычного показа. Но формы и краски, величие и красота этой картины были такими, каких человек никогда не воспроизвести.

Джеральд Хит не создавал этот пейзаж, но держался с видом первооткрывателя и, отвернувшись от вида к Мэри Уорринер, поглядел на неё почти как коллекционер, с гордостью демонстрирующий лучшую вещь своего собрания. Выражение восхищения на её лице, тихое и сдержанное, вполне его удовлетворило — но лишь на короткий срок: затем след удовольствия исчез с её лица, точно его согнала резкая боль. Заметной эту перемену делала не сила её, а быстрота, ведь сама по себе она была едва уловима. Джеральд невольно обернулся посмотреть, что тому причиной.

В картину вторглась человеческая фигура. В нескольких шагах перед хижинкой стоял мужчина. На фоне далёкого пейзажа он был огромным, а тень деревьев на фоне льющегося отовсюду солнечного света делала его почти чёрным, дьявольского оттенка. На миг он застыл силуэтом, и так вышло, что его резкий профиль — с кончиками усов и бородкой — выглядел зловеще, придавая случайной позе оттенок злого умысла. Наваждение было почти пугающим, но длилось недолго: фигура тут же превратилась в самого обыкновенного Тонио Равелли, вошедшего под навес.

— Я не помешал? — спросил он с итальянским выговором и итальянской же повадкой. — Наверное, нет, а? Это есть место дело.

Небольшая неделовитость, на миг позволенная себе Мэри, тотчас исчезла. Она взяла клочок бумаги, положенный Равелли на конторку, и без единого слова перевела написанное в телеграфные щелчки. Равелли был субподрядчиком, и это была одна из его частых депеш в городскую контору компании. Ответ обещал прийти незамедлительно, и он остался ждать.

— Чтобы оценить этот вид по-настоящему, — продолжал Джеральд Хит, обращаясь теперь прямо к Мэри и нарочито не замечая Равелли, на чьё приветствие едва ответил, — нужно застать его врасплох, как это однажды случилось со мной. Мы месяцами долбили и рыли гору насквозь. Каждый день в этой яме был как отсидка в тёмном, сыром каземате. А ваши люди, Равелли, там, внизу, были похожи на партию каторжников.

— Вы бы не посмели сказать это им в лицо, — огрызнулся Равелли с намеренной дерзостью.

— О, я вовсе не хотел их обидеть, — сказал Джеральд, не обращая внимания на его задиристость. — Мы все выглядим разбойниками в грязи и слякоти туннельных работ. А ваша ватага смуглых итальянцев под землёй и подавно смахивает на чертей.

Джеральд поддел Равелли скорее по неосторожности, чем со злым умыслом. Между ними давно тлела неприязнь, выросшая из трений между их обязанностями — инженеру по долгу службы приходилось критиковать работу субподрядчика. Но до сих пор они ни разу не ссорились, и Джеральд не видел в сказанном ничего, что оправдывало бы вспышку гнева, которую, судя по всему, искал Равелли.

— Придержите-ка язык за зубами, — процедил Равелли.

— Пожалуй, вы правы, тем более что рядом дама.

— Именно поэтому я и требую, чтобы вы обращались со мной как с джентльменом.

Похоже, ему было особенно важно, как он выглядит в глазах Мэри Уорринер.

— Как с джентльменом? О, я обойдусь с вами как с двумя джентльменами сразу — так вежливо. — И Джеральд снова принялся невозмутимо строгать берёзовую жердь. — Я как раз хотел рассказать, как мы наконец пробили скалу в конце туннеля, и я как раз оказался там. Взрыв вырвал в стене проём в несколько футов шириной. Сквозь дым мы увидели дневной свет. Мы ринулись вперёд по обломкам камня, расталкивая друг друга, чтобы выйти первыми. Это ведь были вы, Равелли, не так ли, с кем я тогда сцепился? Да, мы вместе протиснулись в пролом. Вы пытались оттолкнуть меня назад. Не смогли, конечно, не смогли, — и по тому, как рассказчик упомянул о собственной силе, было видно, что без доли презрения тут не обошлось.

— Это была просто шутка, — с улыбкой пояснил Равелли Мэри, а потом мрачно взглянул на Джеральда: — Была бы это настоящая драка... — иной исход дела он обозначил, лишь стиснув кулаки и злобно скрипнув зубами.

Не оставалось сомнений: Равелли не выносил, когда его унижали при Мэри. Но и она, и Джеральд остались одинаково равнодушны к этому проявлению ярости.

— Ни один узник не радовался побегу так, как я — тому, что вырвался из тёмной, зловонной ямы на чистый воздух, — продолжал Хит. — Я прибежал прямо сюда, и... что ж, вид открылся точно такой же, как сейчас. Это было как выйти из мрака к свету.

Восторженные слова молодого человека прозвучали без особого воодушевления, но искренности в них хватило, чтобы поверить. Он перестал строгать, нож так и остался лежать на конторке, а сам он прислонился спиной к жерди, опершись на неё обоими локтями.

— Вот я и пишу президенту компании, уговариваю его чуть отклонить маршрут, чтобы пассажиры, выйдя из туннеля, могли увидеть пейзаж, ради которого не жаль было бы проехать лишнюю тысячу миль, — а тут довольно и нескольких лишних футов пути. Сегодня последний день, когда ещё можно изменить проект. Завтра будет поздно. Вот почему я телеграфирую с такой настойчивостью.

Клик-клик-клик. Мэри повернулась к аппарату. Она передала сообщение вслух, не записывая его, как обычно, пером.

— «Джеральду Хиту, Оверлук, — перевела она металлический язык аппарата. — Ваша идея неразумна. Мы не можем её принять. Генри Декерман, президент».

Джеральд выслушал телеграмму с видом человека, которому только что зачитали вердикт присяжных, сулящий большие денежные потери, если не что похуже.

— Вот и я так думаю, — заметил Равелли с наглым торжеством. — Вы есть дурак, как и говорит президент.

Джеральд и без того был раздосадован депешей. Дразнящее слово было пущено как раз вовремя, чтобы довести его до бешенства, и он тут же выместил гнев на ближайшем обидчике. Он схватил Равелли за горло, не сдавливая его, впрочем, и почти сразу отпустил, явно устыдившись, что напал на человека едва ли не вдвое слабее себя и почти вдвое старше. С итальянской быстротой Равелли выхватил с конторки, о которую его толкнули, нож Джеральда. Он бы, пожалуй, пустил его в ход, потребуйся ему защищаться, но, увидев, что новых нападков не последует, спрятал оружие под мышкой, пока Джеральд удалялся прочь, не подозревая, как близко был к удару ножом.

— Он есть большой хулиган, — сказал Равелли с деланным спокойствием. — Не будь здесь дама...

— Это вы его довели, — перебила девушка. — Я как-то видела, как самый добродушный мастиф на свете вышел из себя и набросился на... — Она осеклась, не договорив «шавку», и добавила вместо этого: — Пусть он и вспылит напрасно, но и вам не стоило его дразнить.

— Кто он вам, что вы его защищаете?

Она закусила губу от досады, но промолчала.

— Может, он есть ваш поклонник?

Она по-прежнему не отвечала на его дерзость. Это разозлило его сильнее, чем самый резкий ответ.

— О, я уверен, что он есть ваш ухажёр.

В конце концов она сдалась на его подначки, хотя ответила без всякой резкости: — Вы держитесь оскорбительно, а он по крайней мере достаточно учтив — когда вообще меня замечает, что бывает нечасто.

— Нечасто? Но кое-что он всё же успел заметить. Вот, смотрите.

Он ударил открытой ладонью по тому месту жерди, где строгал Джеральд, — с наружной стороны, откуда Мэри не могла видеть со своего места. Она обошла грубо сколоченную конторку спереди, чтобы удовлетворить любопытство. И увидела, что Джеральд вырезал руку — её собственную руку, узнала она сразу же. Маленькая, изящная кисть была воспроизведена в свежем, светлом дереве с редкой точностью. Сама того не замечая, она позировала для неё, работая ключом аппарата под взглядом резчика с ножом, а времени у него было предостаточно, чтобы вырезать точную копию на берёзе.

— Он не менее дерзок, чем вы, — сказала она и обернулась посмотреть, как Равелли примет это замечание.

Но Равелли уже исчез.

Оставшись одна, она кокетливо приложила собственную руку рядом с деревянным подобием и придирчиво оценила сходство.

— Это была недопустимая вольность, — сказала она себе, — но сделано хорошо.

Тонкая структура дерева пошла резчику на пользу. Подражание руке льстило самую малость — из-за едва заметной желтизны свежей берёзы и тонкой, атласной гладкости, которую придал острый нож, — но не настолько, чтобы это перестало быть просто заслуженным комплиментом. А вот в самой лепке формы не было ни капли лести — настолько точно были переданы пальцы, лежащие на ключе, какими Мэри видела их бессчётные часы за долгие дни работы. Нужно быть очень тщеславной девушкой, чтобы любоваться собой в жизни так же, как портретом, — а телеграфистка и в самом деле находила в берёзовой руке больше красоты, чем когда-либо замечала в собственной, живой. Пока она разглядывала резьбу, Равелли бесшумно вернулся и встал у неё за спиной.

— Я хочу сказать кое-что, мисс Уорринер.

Итальянский выговор Равелли резанул слух Мэри непривычной резкостью, и, будь он незванным гостем в её личных покоях, а не человеком в самом что ни на есть публичном месте, её вспыхнувший румянец никого бы не удивил. Она отдернула руку от её деревянного двойника и спрятала обе за спиной, прислонившись плечом к резьбе, чтобы скрыть её.

— Если у вас депеша, — сказала она, — я передам её без промедления. До закрытия остаётся минут пять.

Она шагнула было к конторке. Он остановил её, тронув за плечо, и она отпрянула с укором, хотя тронул он её только от избытка чувств.

— Нет-нет, это не слова для провода, — сказал он. — Я хочу сказать вам самой кое-что. Вы послушаете?

— Да, если это то, что мне стоит услышать.

— Вот что. Я есть больше, чем кажусь здесь, — совсем другой, — настолько другой, что вы бы меня не узнали. Здесь я всего лишь подрядчик над рабочими. Я одет так же просто, как моя ватага, — и держусь так же, да? Но за один час — за одну минуту — я мог бы убедить вас, что я есть нечто гораздо лучшее.

Мэри ничем не выдавала в своём вполне уже восстановленном спокойствии, что загадочная речь этого человека хоть сколько-то её озадачила. Она сказала: — Не понимаю, зачем это нужно, мистер Равелли.

— О да, простите за возражение, — нужно. Вдали отсюда, Мэри, я стал бы таким другим, что вы бы меня полюбили.

— Довольно, мистер Равелли, довольно.

Приказ прозвучал твёрдо, но послушания не последовало.

— Я люблю вас.

Он схватил её за запястье, начиная эту фразу. Она даже не пыталась вырваться. Сопротивляйся она, закричи — он продолжал бы своё пылкое, сбивчивое признание; но её невозмутимость сбивала его с толку.

— Мистер Равелли, — начала она через мгновение, — вы понимаете английский?

— Совершенно, мисс Уорринер.

— Тогда вот вам простой английский. Я бы сказала это по-итальянски, если бы могла, лишь бы вы не ошиблись. Отпустите мою руку.

Он отпустил.

— Уйдите сейчас же и больше не приходите сюда иначе как по делу. Идите немедленно.

Он не ушёл.

— Зачем же вы приехали в лагерь мужчин, если...

— Если не готова была к опасности? Отвечу. Это была ошибка. Оператора номер девять назначили на этот пост. Номер девять был мужчина, которого за неделю до того уволили, а

номер передали мне. По недосмотру в записи не изменили указание пола. Я не могла позволить себе потерять место. К тому же...

— К тому же?..

— К тому же я рассудила, что каждый мужчина в Оверлуке защитит меня от всех остальных мужчин — если...

— Если?..

— Если я не буду питать ни малейшего интереса ни к кому из них. Поэтому мне нечего бояться. Но и вам не следует мне докучать.

В его глазах, на его побагровевшем лице, в стиснутых кулаках вспыхнула ярость. Презрительное равнодушие девушки довело его до бешенства. Она это заметила и тут же встревожилась, поняв, что перед ней безрассудный влюблённый — из тех, кто от равнодушия распаляется опасным жаром вместо того, чтобы остыть, — но голос её не дрогнул, когда она сказала: — Впрочем, знайте: я хорошо защищена. Ночному сторожу приказано включать мой домик — контору и жильё в одном — в каждый обход. Так что сплю я вполне спокойно. И днём, если понадобится, тоже найдётся кому меня защитить.

— О, не тревожьтесь, мисс Уорринер, — и лицо его странно смягчилось, когда он с тоской посмотрел на девушку. — Я сказал: я люблю вас. — Затем, с пугающей быстротой сменив тон, он мрачно взглянул в ту сторону, куда ушёл Джеральд Хит. Как ни странно, в гневе его английский зазвучал чище обычного: — Это ваш возлюбленный должен меня бояться, — прорычал он. Он вскинул кулак в яростной угрозе и добавил уже по-итальянски: — *Nel vindicarvi bisogna ch'egli mi rende la sua vita**.

_____ * *Чтобы отомстить за вас, ему придётся заплатить мне жизнью (итал.).*

ГЛАВА II

Полная луна отыскивала домик Мэри Уорринер в ту же ночь, едва небо расчистилось настолько, чтобы позволить ей это, и залила её жилище щедрым светом. Но было уже одиннадцать, когда порывистый ветер разогнал плотные тучи и впустил светило над Оверлуком. За навесом, где телеграфистка работала днём, стояла постройка, в которой она спала ночью, — сколоченная из горбыля, с растущими деревьями по неровным углам, чьи нижние ветви служили стропилами, а крышей — снятая кора вперемешку с еловым лапником. Листва наверху качалась на порывистом ветру, бросая на хижину и траву вокруг неё пляшущие, сходящиеся и разбегающиеся тени, — точно целая орава чёрных чертенят пыталась пробраться к спящей внутри. Поначалу их пляска казалась злой и колючей, но по мере того, как ветер стихал до лёгкого дуновения, а луна смягчала их нрав, они становились игривыми и беззлобными, а под конец, когда остались лишь слабые дуновения, вовсе разленились и добродушно кувыркались над и вокруг ложа Мэри Крошки.

Была полночь, когда на открытое пространство у хижины, точно пущенный снаряд, влетел мужчина. Он первым делом кинулся к переднему краю постройки, где навес на ночь занавешивала парусина, и на миг замер, тупо глядя на этот знак того, что час для дел неурочный. Каждым движением, каждым жестом он выдавал крайнюю спешку. Он дважды дёрнул полотнище, точно пытаясь сорвать его. Потом метнулся к единственному окну спальни Мэри, чья единственная дверь вела в навес, и забарабанил костяшками пальцев по плохо пригнанной раме так, что стёкла загремели.

— Эй! Проснитесь! — закричал он. — Не мешкайте ни минуты. Проснитесь!

Тишина внутри осталась ответом на этот шум, и он заметался взад-вперёд от нетерпения. Обыкновенный землекоп, ничем не отличавшийся от прочих чернорабочих Оверлука, — только вот, в отличие от привычных посетителей телеграфной станции, он размахивал клочком бумаги.

— Мне нужно отправить телеграмму! — прокричал он и снова ударил по раме. — Вставайте скорее! Дело жизни и смерти!

Мэри Уорринер поняла, что её помощь и впрямь срочно нужна. Она осторожно выглянула, чтобы разглядеть незнакомца, признала в нём обычного посыльного и распахнула раму, которая ходила на боковых петлях. Её тонкое лицо хранило то же самое спокойствие, что и в рабочие часы, но теперь на него падал лунный свет, волосы выбились из-под узла и шпилек, а вместо верхнего платья она была небрежно закутана в белое пушистое одеяло. Мужчина не дал ей времени спросить, что случилось.

— Вы ведь телеграфистка? — воскликнул он. — Так вот, вам есть что передать. И срочно, срочно, срочно. Не теряйте ни минуты.

— Ночью я не смогу это отправить, — сказала Мэри.

— Должны.

— Это невозможно. На другом конце линии сейчас некому принять депешу. Провод частный, принадлежит железнодорожной компании, ночью он не работает. Придётся подождать до утра.

— К утру мне будет сто лет, а то и вовсе помру, — почти простонал мужчина в отчаянии.

— Что?

— Вчера мне было всего десять. Сегодня ночью — уже шестьдесят. Завтра будет поздно. Вот, вот — отправьте сегодня, мисс. Прошу вас, сегодня же.

Озадаченная девушка машинально взяла клочок бумаги, который он сунул ей в руки, но взгляд её успел заметить безумие на его лице ещё до того, как она опустила глаза на саму

бумагу, где увидела бессвязные каракули. Стало ясно: этот полуночный гость — умалишённый. Она закричала, зовя на помощь.

Сторож откликнулся почти мгновенно. Увидев причину испуга девушки, он воспринял случившееся как дело обычное. Безумец шатался, точно пьяный, готовый вот-вот рухнуть, и раз за разом бормотал свою просьбу.

— Ну-ну, Эф, — сказал сторож, наполовину уговаривая, наполовину приказывая, — нельзя же так беспокоить барышню. Не стыдно тебе её пугать? А ну живо отсюда.

Сторож взял его под руку, и, пока они уходили — один настаивал, другой упирался, — сторож обернулся сказать: — Он никого не тронет, мисс Уорринер, просто немного не в себе, только и всего.

Мэри проводила их взглядом, и, пока она смотрела им вслед, с противоположной стороны показался Джеральд Хит. Он услышал крик девушки. Почему он оказался в пределах слышимости, он вряд ли сумел бы толком объяснить — ночные прогулки были ему не свойственны, даже в такую ясную, лунную и на редкость погожую ночь; но, приступи к нему с вопросом, он, без сомнения, стал бы уверять, что вышел лишь затем, чтобы сбежать от темноты и духоты своего барака. К тому же куда ещё было бы естественнее забрести за глотком воздуха и хорошим видом, если не к тому самому месту, откуда открывался пейзаж, который он тщетно просил железнодорожную компанию показывать пассажирам. Обогнув угол хижины, он увидел уходящих Эфа и сторожа и понял, что произошло.

— Вас напугал Эф, мисс Уорринер, — сказал он.

Мэри вскрикнула снова, но на этот раз это был тихий, мелодичный возглас смущения. Она не заметила приближения Джеральда. Она плотнее стянула одеяло у горла, открытого едва ли не так же сильно, как обычным вырезом платья, и убрала под покрывало обнажённые запястья, которые днём открывались ничуть не меньше — рабочими рукавами удобной длины. Затем, протянув одну тонкую руку, она повернула раму на петлях так, чтобы внутренний муслиновый полог отгородил её от гостя. Он не извинился за своё вторжение, и она недовольно надула губы за надёжной преградой рамы, досадуя на его молчание.

— Вижу, вас напугал именно Эф, — сказал он. — Что он натворил?

Она рассказала, а потом спросила: — Кто он такой и что с ним такое?

— Простой рабочий с необычным недугом, — был ответ. — Однажды случился обвал, и его на час завалило землёй. Несколько брёвен образовали небольшой карман вокруг его головы, но всё остальное тело оказалось в земле. Он надышался одним и тем же воздухом по нескольку раз и был почти без чувств, когда мы его откопали. Он потерял сознание. В себя он так по-настоящему и не пришёл. Он верит, что живёт со скоростью больше года за час. Вот отчего он так спешил со своей воображаемой телеграммой.

— Бедняга, — донеслось с той стороны рамы.

— Да, бедняга, — согласился рассказчик. — Я сразу понял его помешательство. Когда человека настигает смертельная опасность, вся его прошлая жизнь проносится перед глазами. Едва не утонувшие люди потом рассказывают, что за минуту заново пережили годы. Любопытное явление психики. Так вот, с этим беднягой случилось то же самое, но с необычным продолжением. У него в расстроенном рассудке засело убеждение, что вся жизнь до несчастного случая уместилась в один краткий миг. Он верит, что вся его земная жизнь сжата, — что будущие годы, как и прошедшие, спрессованы в дни, а дни — в минуты. Ничто не может его в этом разубедить. Для него всё мимолётно. Поэтому я прозвал его Эф — сокращённо от «эфемерный», понимаете? Своего настоящего имени он не помнит, в списках у него был только номер. До последних дней он вполне справлялся с работой, но теперь его недуг, похоже, обострился до предела. Он твердил, что нужно найти врачей, способных остановить для него бег времени, — возможно, он и хотел телеграфировать этому воображаемому специалисту.

— Странно, — сказала Мэри, — и очень грустно.

Ночное происшествие, судя по всему, завершилось. Джеральду пора было пожелать доброй ночи и уйти. Он всё ещё стоял по другую сторону приоткрытой рамы, из-за края которой показались маленькие пальчики, потянувшие створку немного ближе — знак того, что девушка была не прочь закрыться. Но вдвое большая рука мягко, но упорно этому воспротивилась, и, соприкоснувшись с её рукой, заставила её отпустить створку, и окно снова распахнулось настежь.

— Ах, вам нельзя меня видеть, — воскликнула Мэри, когда Джеральд успел мельком заметить силуэт в белом. — Доброй ночи.

— Вам страшно будет одной, — возразил Джеральд, — вы ведь так взволнованы, что и не уснёте.

— Уж точно не усну, если буду разговаривать, — последовал ответ с первой ноткой кокетства, какую она позволила себе за всё время в Оверлуке.

— Тогда я не буду разговаривать. Просто постою на страже до самого рассвета. Эф может вернуться.

— Но ведь есть сторож. Это его обязанность.

— А для меня это было бы удовольствием.

Это заставило невидимую обитательницу хижины умолкнуть. Луна освещала квадратный проём окна, но сама Мэри укрылась где-то в темноте, куда свет не доставал.

— Мне следует извиниться? — заговорил наконец Джеральд снова. — Дело вот в чём, мисс Уорринер. Когда-то я умел вести себя с дамой как подобает. Но вот уже шесть лет я живу в глуши — в лагерях железнодорожников — от Канады до Мексики. У нас в этих диких местах не бывало дам — вообще женщин, разве что изредка какая-нибудь мужеподобная прачка или стряпуха. Вот почему вы такая редкость — такая неожиданность, — вот почему было бы отрадой стоять часовым у вашего окна, вот почему мне не хочется уходить.

— О!.. о! Значит, я интересна лишь тем, что я единственная представительница своего пола в Оверлуке. Это не сомнительный комплимент — это вообще не комплимент. Доброй ночи.

— Вы меня совсем не так поняли. Я хотел сказать...

— Уверена, вы не собираетесь, — и голос её стал теперь серьёзным, почти умоляющим, — оставаться у моего окна после того, как я прошу вас уйти. Я, как вы сами сказали, единственная девушка в Оверлуке.

— Будь в Оверлуке хоть тысяча девушек...

— Ни одна из них, надеюсь, не стала бы вести разговор с молодым джентльменом ночью через открытое окно своей спальни.

Наполовину из почтения к этому неоспоримому доводу приличия, наполовину из необдуманной досады на то, что его отсылают прочь, Джеральд отпустил раму так резко, что она чуть не захлопнулась. На этот раз из-под качнувшейся створки высунулись две маленькие ручки. Стала бы Мэри, закрывая окно, естественным образом пользоваться сразу обеими руками? Разве это не неуклюжий способ затворить раму? А Мэри Уорринер вовсе не была неловкой. И всё же руки были там, и Джеральд их поймал. Они затрепетали, стремясь на свободу, точно птицы, пойманные широкими ладонями и стиснутые пальцами со всех сторон. Затем он разжал пальцы, но ещё на миг удержал её запястья в плену, чтобы порывисто их поцеловать. Ещё мгновение — и руки исчезли, окно закрылось, и они снова остались каждый сам по себе.

Он побрёл прочь медленным шагом, коря себя за глупость и невежливость, и почувствовал себя лучше, лишь только выбрался из ясного, пронизывающего лунного света в густую тень скал и деревьев, среди которых петляла тропа. Тут его насторожили быстрые шаги — он почувствовал себя пойманным лазутчиком, — и стремительное приближение человека по пересекающейся тропинке едва не заставило его броситься наутёк по-трусливому. Но он узнал помешанного Эфа, дрожавшего и задыхавшегося.

— Мистер Хит, мог бы человек дойти пешком до Диммерсвилла, пока там утром не откроют телеграфную станцию? — спросил Эф, то и дело хватая ртом воздух и шатаясь от слабости.

— Иди-ка спать, Эф, — ответил тот как можно мягче, — а я прослежу, чтобы твою телеграмму отправили отсюда самым первым делом с утра. Это ведь всего шесть-семь часов.

— Шесть-семь часов, — простонал бедняга, — да я за это время постарею на добрый десяток лет. Ох, это ужасно — чувствовать, как жизнь проносится мимо, точно моя, — и он вцепился в Джеральда цепкими, дрожащими руками, смутно надеясь замедлить свой бег, держась за нормального человека.

Затем он метнулся прочь, пошатываясь из стороны в сторону от слабости, и скрылся в листве вдоль тропинки, по которой бежал.

Джеральд проводил его взглядом и уже собирался вернуться на собственный путь, когда послышался голос Тонио Равелли, с его неизменным итальянским «э» в конце коротких слов и тяжёлым ударением на последнем слоге длинных.

— Мистер-р Хит, — сказал он, — я видел ваше нежное прощание с мисс Уорринер.

У Джеральда в эту минуту было настроение провинившегося, и он принялся объяснять чуть ли не с извинением: — С моей стороны было подло оскорблять беззащитную девушку. Она меня к этому не звала. Мне стыдно за себя.

Он едва отдавал себе отчёт, с кем говорит. Оба быстро шагали — Равелли делал по два шага на каждый шаг рослого Джеральда, чтобы поспевать рядом.

— Вам-то и должно быть стыдно — негодяй вы этакий.

Ревнивая ярость и злоба, вложенные всего в несколько слов, прорвались в короткой, хлесткой вспышке Равелли. Джеральд опешил. Он развернулся к спутнику, схватил его за оба лацкана и встряхнул так яростно, что каблуки того застучали о землю. Отпущенный, Равелли отшатнулся назад и ухватился за дерево, чтобы устоять на ногах.

— Я не хотел сделать вам больно, — сказал Джеральд, — но не стоит бросаться такими словами. Может, вы не понимаете, что значит «негодяй» по-английски.

— Я видел, как вы целовали её руки.

— Видели? А знаете, что бы я сделал с вами, Равелли, если бы увидел, как вы целуете её руки без согласия — как сегодня сделал я сам? Я бы свернул вам шею. Ну а вы что теперь мне сделаете?

— Я вас убью!

В правой руке Равелли сверкнуло лезвие ножа — он бросился в яростную атаку, но противник оказался сильнее и проворнее: он стиснул оба запястья нападавшего, швырнул его наземь и выкручивал руки до тех пор, пока тот не выронил оружие. В схватке одежда обоих была порвана, а когда Равелли поднялся на ноги, из его руки капала кровь. Лезвие успело её задеть.

— Вы хотели меня убить, — воскликнул Джеральд.

— Я так и сказал, — прозвучал угрюмый, злобный ответ.

— И моим же собственным ножом! — Джеральд поднял нож и узнал его.

— Вашим собственным ножом — тем самым, которым вы так нежно вырезали руку Мэри.

Равелли прибрал его к рукам ещё накануне, подобрав с конторки Мэри Уорринер. Лезвие теперь было красно от крови, когда Джеральд закрыл нож и спрятал в карман.

— Вы подлый убийца!

— Убийца? Пока нет. Но собирался им стать.

Равелли свернул на боковую тропу, а Джеральд пошёл дальше своим путём.

ГЛАВА III

Первым в Оверлуке утром принимался за работу Джим Уилсон, потому что именно ему полагалось разжигать топку под котлом достаточно рано, чтобы обеспечить паром два десятка буровых станков. Ночной сторож будил его на рассвете, как повелось, а сам укладывался на нары, едва тот вставал.

— Всё в порядке? — спросил Джим.

— Вроде да, — ответил тот. — Только вот твой котёл я с полуночи не видал. Эф беспокоил Мэри Крошку, так что я почти всю вторую половину ночи проторчал у её хижины.

Джим пошёл к своему котлу непривычно быстрым шагом, едва завидев, что из предохранительного клапана уже с шипением рвётся пар. Уходя накануне вечером, он, как обычно, засыпал топку углём на ночь, и по всем расчётам должен был застать её едва тлеющей, так что для разогрева машин к семи часам понадобился бы целый час шуровки, подкладки угля и открытых заслонок. Подойдя ближе, он увидел, что кто-то открыл поддувала и подбросил свежего угля, отчего топка теперь пылала вовсю.

Что это торчало из открытой двери, почти целиком закрывая проём, — так что тяга при этом ничуть не страдала?

Один взгляд дал ответ. Это были ноги и половина туловища человека, чья голова и плечи, как с ужасом увидел Джим, обуглились дочерна, когда он вытащил останки наружу.

Джим побежал доложить управляющему, и через несколько минут вокруг тела собралась кучка возбуждённых людей. Толпа быстро росла. По одежде убитого и наполовину обгоревшего человека сразу опознали — это был Тонио Равелли. Что его убили, было также несложно заключить. Убийца, по всей видимости, пытался сжечь тело. Помешало ли ему что-то физически или его спугнули — оставалось только гадать.

— Кто мог это сделать? — спросил суперинтендант Брейнерд, полномостный хозяин Оверлука.

Наступила минута молчания: все пристально глядели на тело, точно ожидая, что оно само откроет правду. Первым заговорил ночной сторож.

— Мог и Эф это сделать, — сказал он.

И он рассказал о ночном визите помешанного на телеграфную станцию, и о том, до какой острой стадии дошла его болезнь. Больше никто не видел его со вчерашнего вечера. Суперинтендант Брейнерд распорядился обыскать жильё. Десяти минут хватило, чтобы обойти все бараки. Эфа не оказалось нигде. Обыскивавшие вернулись к котельной, и вместе с ними пришёл Джеральд Хит.

— Я встретил Эфа там, где скрещиваются тропы, в сотне ярдов отсюда, чуть за полночь, — сказал Джеральд. — Он был страшно взволнован. Это случилось уже после того, как он тщетно пытался передать бессвязную телеграмму. Видимо, его помешательство — уверенность в том, что вся его жизнь сжата в короткий срок, — довело его до иступления. Он говорил, что пойдёт в Диммерсвилл пешком, но я пытался его успокоить, и он убежал.

Диммерсвилл был городком милях в десяти, в стороне, противоположной той, откуда железная дорога пробивала себе путь через горы. Провода туда не было, да и настоящей дороги на ближайшей трети пути тоже не имелось — разве что едва заметная тропа, протоптанная теми немногими, кто ходил или ездил верхом в ту сторону.

— Скорее всего, Эф направился в Диммерсвилл, — рассудил Брейнерд, — и нам нужно попытаться его перехватить.

Не успел он отдать точный приказ, как из-за края ровной площадки показались лошади и всадник и въехали в самую гущу собравшихся. У человека в седле была почти профессорская наружность, которую придавало прежде всего чисто выбритое лицо. В нашу эпоху усов

безусое лицо охотнее всего принимают за лицо священника, который бреется из соображений приличия, актёра, которому это диктует ремесло, или же человека, стремящегося к особой запоминающейся внешности при чертах, для этого мало подходящих. Лицо, о котором можно сказать разве что то, что на нём один нос, один рот и два глаза, помещённые с полнейшей невыразительностью, — а всем прочим на нём безраздельно властвуют волосы, — пожалуй, меньше теряет от индивидуальности, будучи выбритым дочиста. Именно таким, судя по всему, было лицо этого смуглого человека, спокойно въехавшего в самую суматоху Оверлука.

— Откуда вы едете? — спросил Брейнерд.

— Из Диммерсвилла, — последовал ответ.

— Вам никто не встретился по дороге?

— Я выехал очень рано. В домах — там, где ещё оставались дома, а это лишь первые пять-шесть миль, — люди ещё спали. А дальше... да, встретился один человек. Станный такой, взвинченный малый. Выглядел совершенно измотанным. Спрашивал, далеко ли до Диммерсвилла и успеет ли он застать открытой телеграфную станцию. А потом умчался, не дослушав и половины моего ответа.

Незнакомцу наперебой пересказали всё, что было известно об убийстве, и объяснили, что он, по всей видимости, встретил того самого безумного беглеца.

— Я сразу почувствовал, что с ним что-то неладно, — сказал незнакомец. — Наблюдательность — моё ремесло.

Он спешил и привязал лошадь к дереву. Ему показали тело. Он осмотрел его самым тщательным образом. Все подробности пересказывали ему снова и снова. Затем он отвёл суперинтенданта Брейнерда в сторону.

— Меня зовут Теренс О'Риган, — сказал он, и в его голосе едва слышно угадывался выговор той земли, откуда пошёл род О'Риганов. — Я правительственный детектив. Меня направили сюда собирать улики по делу итальянских фальшивомонетчиков. У нас была зацепка, указывавшая на здешнего субподрядчика — того самого, что лежит сейчас мёртвым. По нашим сведениям, он расплачивался с рабочими фальшивыми деньгами. Так что расследование его смерти вполне укладывается в мою задачу — если вы не против.

— Буду только рад, если вы возьмётесь за это дело, — ответил Брейнерд. — Раньше полудня власти сюда не доберутся, а до тех пор вы, может, успеете всё прояснить.

Любопытные столпились совсем рядом и услышали конец этого короткого разговора. О'Риган мгновенно превратился в важную персону, за каждым словом и движением которой все следили с волнением, и никто не проявлял большего интереса, чем Джеральд Хит. Детектив первым делом осмотрел тело. В карманах одежды Равелли обнаружился кошелёк с нетронутыми деньгами и золотые часы.

— Значит, дело не в ограблении, — сказал О'Риган Брейнерду. — Мотив — вот первое, что нужно искать в деле об убийстве.

Затем он нашёл кровь на жилете — очень много крови, но уже высохшей от огня, обжёгшего плечи и голову; а в запёкшейся ткани обнаружили три разреза, под которыми открылись три ножевые раны. Похоже было, что удары ножом убили жертву ещё до того, как её частично затолкали в топку.

Над Оверлуком незаметно собралась гроза: все были слишком поглощены тем, что лежало перед ними, жутким и страшным, чтобы обращать внимание на затянувшееся небо. Мрак так подходил этой сцене, что никто и не задумался, откуда он взялся. Для Джеральда Хита уход солнечного света и наступающая темнота отражали то, что творилось у него внутри. Он стоял ошеломлённый, застывший, смутно чувствуя опасность и всё же слишком онемевший, чтобы говорить или двигаться. Детектив О'Риган, выпрямившись над телом, окинул Джеральда пронзительным взглядом, а затем обвёл глазами остальных.

— Видел ли кто-нибудь Тонио Равелли прошлой ночью? — спросил он.

— Я видел, — ответил Джеральд.

— Где и когда?

— На том же месте, где я встретил Эфа, и сразу после этого.

— Ага! Значит, Эф и Равелли оказались рядом. Похоже, безумец и есть тот, кто нанёс удар.

— Тогда его нужно поймать, — вмешался Брейнерд. — Немедленно вышлю всадников в сторону Диммерсвилла.

— Спешить особо некуда, — заметил детектив. — Он слишком безумен, чтобы иметь ясный мотив или план побега. Поймать его будет несложно. — Затем он повернулся к Джеральду и заговорил тоном дознавателя: — Обменялись ли эти двое хоть словом?

— Нет, — тут же ответил тот. — Не думаю даже, что они видели друг друга в тот момент. Эф ушёл за миг до того, как появился Равелли.

— Вы говорили с Равелли?

— Да.

— О чём?

— Не об Эфе вовсе.

— О чём же тогда?

Теперь ответ прозвучал неохотно: — О личном деле — о том, что произошло между нами — о случае на телеграфной станции.

— На той станции, где Эф разбудил девушку-оператора? Это была ссора из-за неё?

— Это не ваше дело. Вы дерзите.

— Что ж, сударь, вопрос вполне уместен — как говорят юристы, — и ответ касается вас, задело это меня или нет. Вы с Равелли поссорились из-за девушки?

— Не смейте впутывать в это молодую особу. Она не отвечает за то, что произошло между мной и Равелли.

— Так что же произошло между вами и Равелли?

Двое стояли лицом к лицу, почти вплотную. Глаза детектива с торжеством глядели снизу вверх в бледное, но всё ещё твёрдое лицо рослого Джеральда, а затем медленно опустились и остановились на красном пятне на рукаве его куртки. Обладал ли он собачьим чутьём ищейки?

— Что это? — резко спросил он. Он схватил его за руку и понюхал испачканную ткань. — Это кровь! Покажите ваш нож.

Почти машинально Джеральд сунул руку в карман брюк и вытащил нож, который забрал обратно у Равелли, — на нём ещё оставалась его кровь.

Гроза уже была прямо над головой. Раздался первый громовой раскат. Он грянул именно в ту минуту, когда напряжение собравшихся достигло предела, — в ту минуту, когда Джеральд Хит остолбенел, осознав всю тяжесть нависшей над ним угрозы, — в ту минуту, когда его изобличили как убийцу. И на него, и на остальных это произвело впечатление чего-то сверхъестественного. Раскат прогремел и стих, а тишину нарушил О'Риган:

— Ловить Эфа теперь незачем, — сказал он с профессиональным торжеством в голосе. — Убийца — вот этот человек.

Снова над Оверлуком угрожающе прогрехотал гром, и все застыли перед мёртвым и осуждённым.

— Ведите его на телеграфную станцию, — распорядился О'Риган.

Никто больше не оспаривал методов детектива — даже Джеральд; и он пошёл вместе со всеми, пленник ничуть не менее настоящий, чем если бы его сковали цепями, хотя никто его и пальцем не тронул.

Мэри Уорринер убрала брезентовый полог с фасада своей хижины, когда мужчины подошли ближе. В обычном порядке своих утренних дел она бы ждала ещё час, чтобы отправить и принять первые телеграммы дня, а потом одна отправилась бы завтракать за стол, где к тому

времени инженеры и десятники уже успевали бы поесть. Она удивилась, увидев, что почти всё население Оверлука столпилось у её жилища, а некоторые вошли внутрь. Но она быстро прошла за конторку и заняла своё место на табурете. Мрачность лиц произвела на неё впечатление, но ничто не говорило о том, что Джеральд задержан, и первая мысль, пришедшая ей в голову, была о том, что случилось какое-то несчастье, требующее срочно воспользоваться проводом.

— Я хочу отправить телеграмму, — сказал О'Риган, выступая вперёд.

Глаза девушки вопросительно остановились на нём, и он заметно дрогнул, но тут же явно взял себя в руки, и, заговорив снова, дал волю ирландскому акценту — впрочем, недостаточно заметному, чтобы это можно было передать на письме: — Я буду диктовать медленно, чтобы вы успевали передавать вслед за мной. Вы готовы?

Пальцы Мэри легли на ключ, и её ясное, внимательное лицо само было ответом на этот вопрос.

— «Генри Декерману, президенту», — медленно произнёс детектив, дожидаясь, пока щелчки аппарата передадут его слова на провод, — «субподрядчик Тонио Равелли убит здесь прошлой ночью».

Рука Мэри соскользнула с ключа, отправив эти слова, и без того слабый румянец на её щеках погас, а глаза испуганно метнулись к суровым лицам перед ней. Известие о том, что человек погиб, — а этот человек всего накануне предлагал ей свою любовь, — на миг лишило её сил. Но привычка к работе взяла своё, и она стала ждать продолжения.

— «Тело найдено этим утром в топке парового котла», — размеренно продолжал О'Риган, — «куда его, судя по всему, поместили, тщетно пытаясь уничтожить».

Мэри содрогнулась и судорожно стиснула маленькие руки, точно пытаясь размять сведённые судорогой пальцы. Но пальцы вернулись на ключ.

— «Убийца установлен», — медленно продолжал детектив, а телеграфистка поспевала за каждым его словом. — «Он убил Равелли из мести. Дело было в любви». — Тут девушка побледнела ещё сильнее, а щелчки стали совсем медленными, но не прекращались. Голос О'Ригана звучал холодно и безжалостно: — «Мотивом убийцы была месть. Его имя — Джеральд Хит».

Всё, кроме имени, уже улетело по проводу. На этом слове способность Мэри Уорринер двигать ключом иссякла. Она не лишилась чувств. Она не вскрикнула. Она сидела так, точно душа покинула её тело, оставив на табурете один лишь безжизненный остов. Скорбный порыв ветра прошёл сквозь деревья, и зигзаг молнии прочертил затянутое тучами небо.

— Продолжайте, — сказал О'Риган.

— Не буду, — последовал твёрдый ответ.

— Почему же?

— Потому что это неправда. Джеральд Хит никогда не убивал Равелли.

Джеральд всё это время стоял неподвижно и безмолвно. Теперь он поддался порыву, столь же необычному, сколь необычным было прежде его спокойствие. Если прежде в его мыслях царило оцепенение, теперь на смену ему пришло смятение. Он крепко, порывисто сжал руки Мэри, а затем выпустил их и повернулся к остальным.

— Я не убивал итальянца, — сказал он. — Он напал на меня моим же ножом, который украл. В борьбе он порезал руку, но я отобрал у него оружие. Он ушёл от меня живым и невредимым. Больше я его не видел. Вы мне не верите? Мэри верит, а это для меня важнее всего остального.

— Обстоятельства не в вашу пользу, — возразил детектив, — они вас изобличают. Вы убили Равелли, потому что вы оба любили эту девушку.

— Разве не отвергнутый жених убивает соперника из мести? — раздался голос Мэри Уорринер, слабый, но твёрдый. — Равелли любил меня, я знала это, и я его отвергла. Мистер

Хит любил меня, как я полагала, и я не отталкивала его. Если бы я стала причиной убийства между ними, то скорее уж Равелли должен был убить Джеральда.

— Равелли вы ненавидели? — спросил О'Риган со странной горечью в голосе.

— Да.

— А Хита вы любите?

Ответ прозвучал так же без промедления, как и прежде: — Да.

— Передайте остаток моего сообщения, — и детектив повысил голос. — Передайте имя. Джеральд Хит — убийца.

Он грубо схватил её руку и прижал к ключу. Она отдернула руку, оставив его собственную на аппарате. Ослепительная вспышка молнии озарила всё вокруг, и что-то похожее на огненный снаряд метнулось по проводу к аппарату, где и взорвалось. О'Риган рухнул без чувств от мощного удара тока. Остальные тоже не вполне избежали удара, и с минуту все были оглушены. Первое, что они смогли осознать, — это то, что О'Риган нетвёрдо поднимается на ноги. Он был совершенно сбит с толку. Пошатываясь и спотыкаясь, он вдруг заговорил.

Мэри первой поняла смысл его слов. Он просто продолжал начатую фразу, но поразила всех манера речи, а не её содержание.

Он говорил с итальянским акцентом и итальянскими же жестами.

— Вы отправить сообщение, — сказал он. — Хит есть убийца. Отправить сообщение, я сказал.

Тонио Равелли, сам того не заметив, вернулся к своей итальянской манере говорить по-английски.

Пышные волосы и бакенбарды исчезли, и по открывшемуся лицу никто бы не узнал в детективе О'Ригане прежнего человека, если бы не эта оговорка, выдавшая иностранный акцент; а сказать он успел достаточно, прежде чем понял свою ошибку, так что его личность — а это был не кто иной, как Равелли, — установили сразу и полностью.

Кто же тогда был убитый? Что ж, это был Эф.

Только страх самому оказаться осуждённым за убийство безумца, ставшего частью его мстительного замысла против Джеральда, заставил Равелли всё объяснить. Он нашёл Эфа мёртвым на тропе — оба они незадолго до того расстались с Джеральдом. План поменяться одеждой с трупом, дотащить его до топки, сжечь до неузнаваемости и тем самым выдать его за своё собственное убитое тело, был исполнен со всей поспешностью ревнивой мести. Равелли вовсе не был итальянцем, хотя прекрасно владел итальянским языком и от природы обладал даром подражания, позволившим ему скрыться от преследования за прежнее преступление. Оверлук был для него убежищем — пока страсть к Мэри Уорринер не заставила его отказаться от этого обличья. После чего он превратился в детектива Теренса О'Ригана, чья злокозненная работа принесла счастье Джеральду Хиту и Мэри Уорринер.

ТО, ЧТО БЛЕСТЕЛО

Фрэнк Р. Стоктон

Осенью 1888 года пароход «Сунда», шедший из Саутгемптона, огибал южный берег Лонг-Айленда, всего в нескольких часах хода от порта, когда его обогнал один из больших британских лайнеров, идущий в обратную сторону. Был прилив, и оба судна держались ближе к берегу, чем обычно, причём «Сунда» шла со стороны суши.

Когда пароходы поравнялись, пассажиры принялись размахивать шляпами и платками. Вдруг с борта «Сунды» раздался крик. Кричала синьора Рочита, примадонна оперной труппы, которая направлялась на гастроли в Америку тем же рейсом.

— Я потеряла браслет! — воскликнула она по-итальянски, а затем, повернувшись к пассажирам, повторила то же самое на вполне сносном английском.

Всем всё стало ясно без объяснений. Дело было к вечеру; капитан устроил для пассажиров торжественный обед, на котором примадонна явилась во всём блеске драгоценностей, и главная из них — великолепный браслет с бриллиантами — пропала как раз с той руки, которой она восторженно махала кружевным платком.

Второй помощник, стоявший поблизости, метнулся в капитанскую каюту и тут же вернулся с картой и приборами; он быстро прикинул положение судна в момент происшествия, сделав поправку на те несколько минут, что прошли с первого крика синьоры. Посоветовавшись с капитаном и ещё раз пересчитав расстояние до берега и прочие данные, он объявил рыдающей примадонне, что браслет лежит на дне под маленькой чёрной точкой, которую он отметил на карте, и что, если ей будет угодно послать за ним водолаза, достать его вполне возможно — глубина в том месте была невелика.

Я по профессии водолаз, и на следующий день меня наняли искать бриллиантовый браслет синьоры Рочита. Мне дали копию карты, и, наняв небольшую шхуну с несколькими помощниками, которые уже не раз работали со мной прежде, и захватив всё необходимое снаряжение, я отправился к указанному месту; к вечеру мы бросили якорь — по нашим расчётам, точно на нужном месте или совсем рядом. Я не стал медлить и сразу пошёл на дно. На мне был обычный водолазный костюм, но я не взял ни инструментов, ни прочей оснастки, какой пользуются водолазы при осмотре затонувших судов, — только держал в правой руке яркий электрический фонарь, соединённый проводом с мощной батареей на шхуне. Я сжимал его за изолированную рукоять, на которой было два маленьких рычажка — зажигать и гасить свет.

Дно оказалось твёрдым и ровным, и, зажёгши фонарь, я принялся осматриваться. Подойди я достаточно близко к браслету — наверняка увидел бы, как он поблёскивает, но, обойдя изрядное пространство, я не заметил ни единого проблеска, ни вообще ничего похожего на браслет. И вдруг я увидел кое-что, что меня чрезвычайно заинтересовало. Это была яма на дне океана, почти круглая, никак не меньше десяти футов в поперечнике. Странно, что я не заметил её раньше — она лежала совсем недалеко от кормы нашего судна.

Стоя у каменистого края провала, я вытянул руку с фонарём и заглянул вниз. Не так уж глубоко я разглядел смутный отблеск — дно этого подземного колодца. Меня охватило желание исследовать эту огромную скважину, уходящую под обычное морское дно. Я подал знак, чтобы меня опускали ниже, и, хотя товарищи немало удивились такому распоряжению, они послушались, и я пошёл вниз, в колодец. Стены его поначалу казались каменистыми и почти отвесными, но, спустившись футов на пятнадцать, я почувствовал, что они расступаются во все стороны, и вскоре оказался в просторной пещере, дно которой достиг очень быстро.

Подняв фонарь и оглядевшись, я понял, что нахожусь в подводной пещере футов тридцати в поперечнике, со сводчатым потолком, в котором — чуть в стороне от центра — открывалось нижнее устье того самого колодца. Меня охватило сильное волнение: место было именно таким, куда браслет или любая другая ценная вещь вполне могла бы иметь несчастье зака-

титься. Я обошёл всю пещеру, всматриваясь в каждый угол, но не нашёл ничего, кроме камня и воды.

Я уже собирался подать знак, чтобы меня подняли, когда заметил над собой что-то вроде тёмной вспышки, стремительно скользнувшей вниз по колодцу. С шумом и водоворотом оно ворвалось в пещеру, и через мгновение я осознал, что вокруг меня кружит огромная рыба. Она двигалась так быстро и беспорядочно — то скользя вдоль края пещерного дна, то взмывая надо мной так, что спина её едва не задевала свод, — что я никак не мог составить верного представления о размерах этой твари. На вид в ней было никак не меньше двадцати футов. Я стоял почти оцепенев, стараясь не сводить глаз с этого стремительно мечущегося чудовища.

Порой она подходила совсем близко, и меня всего пробирала дрожь, а затем снова уносила прочь — но всё время скользила, мощно изгибая тело и хвост, вокруг меня, надо мной, со всех сторон. Подать сигнал, чтобы меня вытащили, я не смел: боялся, что страшилище кинется следом за мной прямо в устье колодца. Тогда оно, пожалуй, коснулось бы меня, а то и вовсе раздавило о стену, — но соображать связно я уже не мог. Я лишь надеялся, что рыба поднимется вверх и исчезнет тем же путём, каким явилась.

Голова моя в те дни и без того была не в лучшем состоянии — меня сильно тревожила одна беда, — а тут я так перепугался, что толком не понимал, что мне делать; впрочем, сообщения хватило понять: акулу привлёк в пещеру свет моего фонаря. Разумнее всего было бы его погасить, но одна эта мысль едва не довела меня до иступления. Я не мог вынести и мысли остаться наедине с акулой в темноте, под водой. Затея была безумная, но я чувствовал: что бы ни случилось, глаз с чудовища спускать нельзя.

Тут громадная рыба начала подбираться ко мне всё ближе и ближе, а затем вдруг переменила тактику и отступила к самой дальней стене пещеры, где — впервые за всё время — застыла неподвижно, головой в мою сторону. Впрочем, длилось это недолго. Мягко перевернувшись на бок, она раскрыла свою огромную пасть и в одно мгновение, одним броском, ринулась прямо на меня. Мой фонарь осветил всю глубину этой пасти, ощерившейся зубами, — а затем последовал резкий рывок, едва не сваливший меня с ног, и всё вокруг погрузилось во тьму. Акула проглотила мой фонарь! По редкой удаче руку она не тронула.

Тут я отчаянно задёргал сигнальный трос. Без фонаря у меня осталось одно-единственное желание — чтобы меня как можно скорее вытащили из воды, будь что будет. Через несколько минут я сидел на палубе шхуны, уже без водолазного костюма, почти без чувств. Едва обретя дар речи, я рассказал изумлённым товарищам о случившемся, и, пока мы обсуждали это странное происшествие, один из них, глянув за борт, увидел, как на поверхность медленно всплывает мёртвая акула.

— Ах, чёрт возьми! — вскричал он. — Вот и зверюга. Убило её током от батареи.

Мы все столпились у борта и уставились на чудовище. Длинной оно было футов десять, и было совершенно ясно, что оно поплатилось жизнью за то, что замкнуло собой полюса батареи.

— Что ж, — благодушно заметил капитан, — надо думать, вниз вы больше не полезете?

— Ни за что, — ответил я. — С меня довольно этой работёнки.

Но тут я вдруг закричал:

— А ну, ребята, все сюда! Зацепите-ка эту акулу и тащите на борт. Она мне нужна.

Кое-кто из матросов рассмеялся, но вид у меня, видно, был такой серьёзный, что через минуту все взялись мне помогать. Спустили шлюпку, завели тросы на мёртвую рыбу через блок и лебёдку, и мы выволокли её на палубу. Тогда я взял на камбузе разделочный нож и принялся её потрошить.

— Послушай, Том! — воскликнул капитан. — Что за глупости. Твой фонарь и так вдребезги разбит, а если ты его и достанешь, толку от него всё равно не будет.

— Дело не в фонаре, — ответил я, не переставая работать. — Мне тут в голову пришла одна мысль. Ясно же: эта тварь падка на всё блестящее. Раз уж она проглотила фонарь, отчего бы ей было не проглотить и что-нибудь ещё, что блестит?

— Ого! — воскликнул капитан. — Думаешь, она браслет проглотила, а?

И тут же все сгрудились вокруг меня ещё теснее.

Я достал фонарь. Провода на нём были перерезаны так ровно, точно их отхватили ножницами. Я продолжал работать. Вдруг все разом вскрикнули. В тёмном нутре рыбы что-то блеснуло. Я схватил это и вытащил наружу. Это оказался вовсе не браслет, а пинтовая бутылка, светившаяся, точно светлячок. Я сидел на палубе, держа бутылку в руке, и разглядывал её. Встряхнул — она засветилась ярче. Горлышко было туго обвязано куском промасленного шёлка, а внутри, как оказалось, была налита светлая жидкость с растворённым в ней фосфором, отчего при встряхивании бутылка наполнялась тусклым свечением.

Но внутри было ещё кое-что, помимо масла и фосфора. Сквозь стекло виднелась жестяная трубка, закупоренная с обеих сторон, причём пробки выступали настолько, чтобы жёсть не билась о стекло. Все мы сразу поняли: перед нами одна из тех бутылок с посланием, какие частенько бросают в море, и они плавают, пока их кто-нибудь не выловит. Масло с фосфором добавили явно для того, чтобы бутылку было видно и ночью, и днём, — и, видно, именно поэтому её и проглотила падкая до света акула.

Я вылил масло и вытащил трубку. Тщательно её протерев, я выбил пробки, а затем из маленького жестяного цилиндра извлёк половину листа писчей бумаги, туго свёрнутого в трубочку. Развернув его, я прочёл следующее:

«Прежде чем броситься за борт, хочу, чтобы люди узнали: это я убил Джона Полхемуса. Затем и снарядил эту бутылку. Надеюсь, её найдут вовремя, чтобы спасти Джима Баркера от петли. Хотел было оставить записку прямо на пароходе, да побоялся передумать насчёт прыжка — так вернее будет. Одежда, в которой я это сделал, и топор лежат под дровяным сараем позади дома Полхемуса.

Генри Рэмзи».

Я вскочил на ноги с криком. Джим Баркер был моим братом — в ту пору он сидел в тюрьме, приговорённый к смерти за убийство Полхемуса; все улики, а других и не было, косвенно указывали на него. Записка была датирована восемью месяцами раньше. О, жестокий глупец, этот убийца!

Акулу выбросили за борт, мы во весь ход направились в порт, и не успел закончиться день, как я уже вложил записку Рэмзи в руки адвоката, который вёл дело моего брата.

К счастью, тот сумел опознать почерк и подпись Рэмзи — человека, которого прежде уже подозревали в преступлении, но против которого не нашлось никаких улик. Адвокат разволновался едва ли не сильнее меня самого, и рано утром на следующий день мы вместе отправились к дому семьи Полхемус. Там, под дровяным сараем, мы откопали тщательно закопанные окровавленные рубашку и жилет, а вместе с ними и топор.

Первым моим порывом было бежать к брату, но адвокат запретил мне это. Он сказал, что сам займётся делом, и что раньше времени поднимать ложные надежды не годится, — но при этом уверенно заверил меня, что брат мой теперь как есть свободный человек.

Вернувшись в город, я решил, что стоит заодно доложить обо всём синьоре Рочита. Дама оказалась дома и приняла меня. Она слушала мой рассказ с живейшим интересом, требуя всех подробностей до последней мелочи. Когда я дошёл до акулы и подводной пещеры, она едва не лишилась чувств от волнения, так что горничной пришлось поднести ей нюхательную соль. Дослушав до конца, она пристально посмотрела на меня и сказала:

— Мне нужно кое-что вам сказать, хотя я едва знаю, как это сделать. Я вовсе не теряла браслет. Я собиралась надеть его к капитанскому обеду, но, когда пошла его застёгивать, увидела, что застёжка сломана, а я и так уже опаздывала, поэтому поспешила к столу без браслета

и вовсе о нём забыла — до той самой минуты, когда мы все махали и кричали, а я взглянула на запястье и увидела, что его там нет. Тут я совершенно упустила из виду, что вовсе его не надевала, и решила, что он упал в море. Только сегодня утром, открыв шкатулку, которую считала пустой, я увидела его там. Вот, смотрите.

Таких великолепных драгоценностей мне в жизни видеть не доводилось.

— Мадам, — сказал я, — я рад, что вы сочли его потерянным, ведь взамен я обрёл кое-что получше всех этих камней.

— Вы хороший человек, — сказала она и щедро расплатилась со мной за работу. Покончив с этим делом, она спросила:

— Вы женаты?

Я ответил, что нет.

— А есть ли та, на ком вы собираетесь жениться?

— Да, — сказал я.

— Как её зовут?

— Сара Джейн Макэлрой.

— Погодите минутку, — сказала она и вышла в другую комнату. Вскоре она вернулась и протянула мне маленькую шкатулку.

— Отдайте это вашей возлюбленной, — сказала она. — Глядя на эту вещицу, она никогда не забудет, что вы храбрый человек.

Когда Сара Джейн открыла шкатулку, там оказалась маленькая булавка с бриллиантовой головкой, и она восторженно вскрикнула. Я же не видел особого повода прыгать от радости или кричать — после браслета синьоры этот камушек выглядел горошиной в мешке картошки.

— Мне не нужно ничего, — сказала она, — чтобы помнить, что вы храбрый человек. А вот на мебель я эту булавку продам.

Я рассмеялся и заметил, что «всякая мелочь в хозяйстве пригодится».

И вот теперь, когда я сижу с женой у камина в нашем уютном доме и вспоминаю, что и ковёр в гостиной, и вся мебель, и картины, и ковёр в прихожей и на лестнице, и вся столовая мебель с фарфором, стеклом и бельём, и вся кухонная утварь, и два спальных гарнитура на втором этаже, оба из твёрдых пород дерева, и обстановка весьма приятной комнаты для одного жильца на третьем этаже — всё это куплено на деньги от булавки, которую синьора подарила Саре Джейн, — меня охватывает глубочайшее уважение ко всему, что блестит. А поглядев на другую сторону камина и увидев Джима, что сидит там, попыхивая трубкой, довольный, как никто на свете, я говорю себе: если найдутся люди, которым эта история покажется чересчур неправдоподобной, пусть заглянут к нам да потолкуют об этом с Джимом. У него в глазах загорается такой огонь, когда он рассказывает, до чего рад, что в тот раз повезло акуле, а не ему, — вот уж что убеждает лучше всяких слов.

ЛЕВ И ЛЬВИЦА

Джоакин Миллер

ГЛАВА I

Сомневаюсь, что чтение этого случая из моего третьего путешествия вверх по Нилу принесёт вам пользу или удовольствие. Право, оно того не стоит. Я записал его лишь для нескольких друзей, которым отчасти известны факты, — а ещё для того, чтобы избавить себя от докуки пересказывать это как одну из достопримечательностей моих четырёх лет странствий по Востоку. Но начнём. Устав от Леванта, я на время осел в Риме, когда меня учтиво пригласили — да ещё и настойчиво уговаривали — присутствовать на бракосочетании великой княжны Александры и герцога Эдинбургского. Оставим в стороне эти пустые роскошества, эту растрату времени, растрату разума, растрату души! Я упоминаю о причине своего появления в Петербурге, упоминаю самый факт своего там пребывания лишь потому, что среди этого многолюдного собрания увидел лицо, которое забыть невозможно. Это было лицо высокой, смуглой и безмятежно-молчаливой Долорес — молодой женщины, которая, несомненно, свела знакомство с горем ещё на самой заре своей жизни. Порой я спрашиваю себя, мог ли я когда-нибудь узнать — или пожелать узнать — человека, не изведавшего глубокой скорби. И всё же теперь я твёрдо знаю: в каком бы обличье ни явилась мне эта женщина, с того дня, как она вошла в мою жизнь, и до дня, когда она её покинула, иного пути для нас двоих быть не могло.

Позвольте мне здесь немного открыться. Я знал — знал всегда, — что встречу эту женщину. Я ждал её; трудился, возводил бастионы и крепость собственной души, чтобы было куда её принять и было чем оборонить её от худшей стороны меня самого, когда она наконец придёт. И скажите мне теперь — разве не бывало у вас подобной мысли, подобной уверенности? Твёрдого знания в глубине сердца, что иная, лучшая половина вас самих однажды явится к вам вся целиком, рано ли, поздно ли, — как только крепость будет готова её принять? Врачи говорили, что она умирает. Она пыталась встать между царём и евреями. Быть может, она сама не принадлежала к этому «избранному народу», но, думаю, за ней стояли деньги Ротшильдов и сэра Мозеса Монтефиоре.

Были покушения, за ними — казни. Среди осуждённых оказались и женщины. Каждую казнь она переживала так, точно приговор вынесли ей самой. Мне кажется, она страдала больше, чем все остальные, вместе взятые, — так остро отзывалась она на чужую боль и чужое горе.

Бывают такие души. Но есть и благой Бог. Душа, что умеет остро страдать, умеет и остро радоваться, — так было и так будет. Если у человека достанет упорства, он способен за века этой жизни стать значимее целого народа.

У нас нашлось общее дело — заступничество за осуждённых. На этой почве мы и встретились впервые, точно два стремительных потока, что текут в одном направлении и потому неизбежно сливаются навеки. Всё, что можно было сделать, делалось быстро: в чём бы ещё ни упрекали Россию, а уж в судебной волоките её не упрекнёшь.

Когда лето пошло на убыль, мы отправились на юг вслед за птицами: она явно чувствовала, что умирает. К тому же ею завладела мысль о восстановлении Иерусалима и возвращении этого бездомного народа в святой город. Какой веры она держалась? Мне кажется, всех сразу. Я видел, как она преклоняла колени в московском Кремле, крестилась в римском соборе Святого Петра и низко склонялась в молитве в александрийской синагоге. Уверен, то же самое она сделала бы и в мечети. Как я уже упоминал, до встречи с ней я успел исколесить всю Сирию, и потому всякий раз, когда она заговаривала о заветной своей мысли — а говорила она о ней часто — устроить еврейские поселения в Иерусалиме и его окрестностях и возродить Израиль, я пользовался случаем объяснить ей, насколько это всё неисполнимо и непрактично.

Помню, как я рассказывал ей, что за целый день пути от Вавилона к Иерусалиму не встретил ни единого живого существа, кроме одного-единственного кузнечика! Я объяснял ей, что

путь цивилизации со времён зари истории пролегает вслед за заходящим солнцем и что человеку не под силу обратить этот ход вспять. Я пытался показать, что людской прилив хлынет к благодатным и плодородным берегам крайнего запада, и там же однажды забьётся сердце цивилизации. Я объяснял ей: там, где сильнее всего бьётся мощное сердце торговли, там же соберутся сильнейшие и лучшие из её народа, которому она хотела помочь, — тогда как слабые и беспомощные так и останутся на мели у левантийских вод, как ныне в России.

— Отчего же тогда не предупредить этот ход и не построить город-убежище на вашем великом море, на пути той самой цивилизации, что, по вашим словам, непременно туда придёт?

Когда она это говорила, её замысел, серьёзный и великий, представился мне подобным золотым вратам зари. Но я, разумеется, знал — как уже говорил, — что «избранный народ» не заставишь отважиться на пустыню. Они ищут не покоя, а дела — заработка на торговых площадях. Они бы и у сладких вод колодца Иакова не задержались дольше одной ночи.

ГЛАВА II

С приходом зимы Египет стал невыносимо переполнен туристами, и мы решили бежать вверх по Нилу и обосноваться среди руин Карнака и других подобных мест, пока не схлынет этот поток. Стоило нам как следует тронуться в путь, и я быстро убедился: она день ото дня набирается сил не только телом, но и духом. Больше месяца провели мы на Ниле — там растрёпанная пальма мечется на ветру и в песке, здесь тощий, глинистого цвета верблюд, весь из ног да шерсти; нищета, болезни, отчаяние вокруг нас со всех сторон — земля, от которой хочется бежать без оглядки, подходящее место разве что для гробниц, шакалов да оголодавших львов!

Но она крепла, на щеках у неё заиграл румянец. В её роскошных чёрных волосах больше не было прежней смертной сырости — теперь они дышали новой, возродившейся жизнью, здоровьем и, быть может, самым счастьем.

Одним тёплым вечером, когда лодка носом уткнулась в жёлтый песок, уходящий в бесконечность, она предложила подняться со мной на вершину высоких руин на холме, немного в стороне от реки, и там дожждаться, наблюдая и вслушиваясь, наступления нового дня.

Место было жуткое. Я уже успел отойти немного в сторону, но, завидев из песка высохшую чёрную руку, повернул назад — и тут же споткнулся о голову мумии, которую позже я видел, как один из наших слуг подобрал и унёс в свой арабский лагерь на растопку. И всё же мы порядком засиделись на лодке взаперти; да и разве не будет она рядом со мной?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.